

Леопольд ЦЕСЮЛЕВИЧ

РЕРИХ НА АЛТАЕ

(К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. К. РЕРИХА)

«Приветлива Катунь. Звонки синие горы. Бела Белуха. Яркие цветы и успокоительные зеленые травы и кедры. Кто сказал, что жесток и неприступен Алтай? Чье сердце убоилось суровой мощи и красоты?»

Эти строки взяты из путевого дневника выдающегося русского художника Николая Константиновича Рериха, возглавлявшего экспедицию через горные, труднодоступные районы Центральной Азии.

Знаменитый художник горячо любил «самые синие, самые звонкие» Алтайские горы.

Особое отношение Рериха к Алтаю раскрывается в письмах В. Булгакову. «Глубоко порадовало нас Ваше сведение, что Вы — сибиряк и притом большой патриот своего отечества. Вы ездили по горам Алтайским, а Алтай является не только жемчужиной Сибири, но и жемчужиной Азии. Великое будущее предназначено этому замечательному средоточию. Долина между Уймоном и Катандою будет местом большого центра. В Париже, когда Вы посещали наш Центр, Вы, наверное, видели мой этюд «Белуха». Там было три этюда прекраснейших высот Азийских: Канченджанга, Белуха и Эльбрус. И так, когда мы знаем, что Вы — алтаец, Вы нам еще и еще ближе».

Однако в статьях и исследованиях, посвященных Рериху, крайне скудно освещено его пребывание на Алтае.

В этой статье мы пытаемся воссоздать картину его путешествия отчасти по записям самого художника, отчасти по отзывам прессы и воспоминаниям людей, встречавшихся с Николаем Константиновичем.

В качестве базы для своей экспедиции на Алтай Рерих выбрал село Верхний Уймон. Оно расположено у самого подножия скалистого Катунского хребта и заботливо укрыто окружающими его двумя кряжами. А скала, возвысившаяся между ними, оберегает село со стороны Катунь, которая, обгибая горный хребет, спешит на восток по широкой горной долине.

В Верхнем Уймоне были богатые традиции русского народного искусства. Были украшенные замысловатой резьбой и типичной русской травчатой росписью избы. Сельчане носили богато вышитые орнаментом народные костюмы. В кре-

стьянской среде бытовали легенды, песни, частушки.

Это обстоятельство вместе с соседством древних курганов и близостью Белухи, которая венчает собой Катунский хребет, делало Верхний Уймон особо интересным для научно-художественной экспедиции Рериха.

Среди старшего поколения жителей села можно найти людей, встречавшихся с Рерихом. Их рассказы обычно выразительны и живы, чему способствовала, безусловно, яркость впечатлений от личности самого путешественника.

Еще находясь далеко от Алтая, пройдя с экспедицией до Урумчи, Николай Константинович заносит в дневник: «И странно и чудно — везде по всему краю хвалят Алтай. И горы-то прекрасны, и кедры-то могучи, и реки-то быстры, и цветы-то невиданны».

29 мая 1926 года экспедиция Рериха вошла на территорию Советского Союза в непосредственной близости от Алтая.

«Рерих пришел из Индии на караванах через Тянь-Шань. Уже два года путешествовал. У озера Зайсан ступил на нашу землю. До Омска приплыл документы получать. Потом в Москву ездил. Из Москвы сюда приехал...»

Так рассказывает Серапион Атаманов, 75-летний старожил села Тихонького, стоящего рядом с Верхним Уймоном.

Маршрут экспедиции в этом рассказе обозначен правильно. Из Москвы на Алтай Рерих и его спутники выехали 22 июля. С Николаем Константиновичем были его жена Елена Ивановна, сын Юрий, журналист Морис Михайлович Лихтман с супругой Зинаидой Григорьевной Фосдик, ассистент Юрия Николаевича ученый тибетец Геген, рабочий экспедиции ладакец Рамзана.

26 июля экспедиция прибыла в Новосибирск. А 27 июля отправилась пароходом вверх по Оби в Бийск. В своем дневнике Николай Константинович записал:

«Во все небо стояла радуга. И не одна, но две. И в радужные ворота устремилась широкая Обь».

Стояла жаркая, знойная погода, и путешественники, особенно Елена Ивановна, страдали от жары. Сутки они пробыли в Барнауле, ожидая парохода. В Бийск приехали 30 июля. Здесь на-

Экспедиция Н. Рериха на Алтай.

няли возниц, лошадей, погрузили багаж на четыре брички. На следующий день отправились вглубь Алтая. Николай Константинович, Юрий и Лихтман ехали верхом. Дорога шла через села Красный Яр, Алтайское, Баранчи, Таурак, Мариинское, Черный Ануй, Муту, Усть-Кан, Абай, Юстик, Усть-Коксу.

За селом Мариинским, после перерыва, Рерих записал в дневнике: «А когда перешли Эдигол, расстилалась перед нами ширь Алтая. Зацвела всеми красками зеленых и синих переливов. Забелела дальними снегами. Стояла трава и цветы в рост всадника. И даже коней здесь не найдешь. Такого травяного убора нигде не видали».

Путь был нелегкий. Постоянно шли дожди, дороги были плохими. К тому же главный возница не знал дороги. Неважными оказались и лошади. С ночлегами тоже было трудно. В Муте и Усть-Коксе ночевали на столах. В Баранче нашли приют у заведующего кооперативом Бочкарева, в Усть-Кане — у пожилой учительницы, которая много рассказывала гостям о том, как она в молодости вместе с единомышленниками «пошла в народ», в деревню, с идеей нести людям просвещение. В Абае путешественники остановились у мараловода Романова, который достал для них нового проводника, свежих лошадей, 5 бричек.

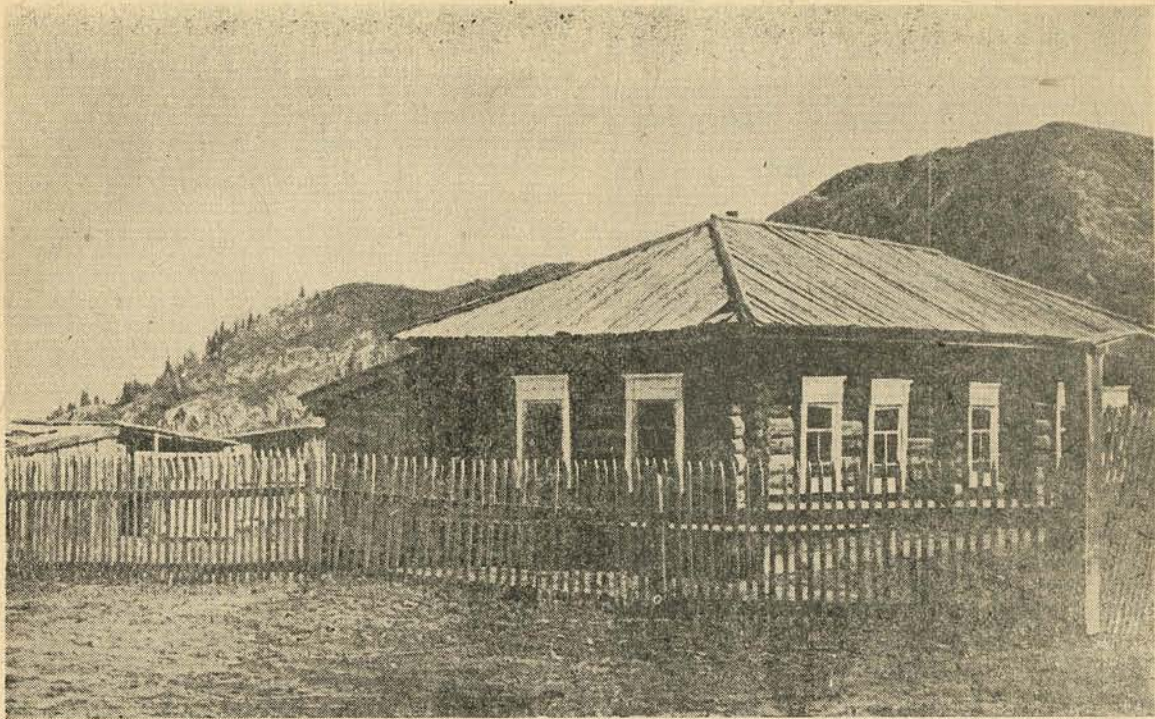
В Усть-Коксе Рерих впервые мог увидеть главную реку Горного Алтая — Катунь. Он записал: «Катит камни — катунь настоящая. Катунь — по-тюркски — женщина».

На седьмой день после выезда из Бийска, переправившись на пароме через Катунь, экспе-

диция прибыла в Верхний Уймон. Здесь остановились у Вахрамея Семеновича Атаманова.

О нем стоит сказать подробнее. Очень возможно, что имя Вахрамея Атаманова было известно Рериху, долгие годы состоявшему членом Русского Географического общества. Вахрамей Семенович был известным проводником. Стал им еще в 1905 году. Сопровождал в горы многих людей. Водил исследователя Алтая и Белухи профессора Томского университета В. В. Сапожникова. В 1909 году показывал Алтайские горы художнику Арбунову, который здесь писал горные пасеки, сцены труда крестьян. Часто Вахрамей Атаманов сопровождал к Белухе алтайского художника Гуркина. Бывал проводником также в гостях у художника в его доме-мастерской в Аносе. Вахрамей Семенович славился как врач-самоучка. По медицинским книгам и журналам, которые он выписывал, Атаманов достиг достаточных знаний, чтобы вылечивать не только простуды, но и сложные заболевания. Делал и операции. Особенно хорошо знал целебные травы, корни, цветы. Любопытно, что в 1928 году к нему приезжали московские ботаники для уточнения названий и лечебных свойств алтайских растений.

Интересную характеристику Атаманову дал Рерих: «...Он знает руды, знает и маралов, знает и пчелок, а главное и заветное — знает он травки и цветки. Это уж неоспоримо. И не только он знает, как и где растут цветки и где затаились корни, но он любит их и любуется ими. И, до самой седой бороды набрав целый ворох многоцветных трав, он просветляется ликом и гладит их и ласково приговаривает о их польности. Это

Дом, где жил Н. Рерих.

уж Пантелей Целитель — не темное ведовство, а опытное знание».

Между Рерихом и Вахрамеем Семеновичем образовались близкие и сердечные отношения. Когда художник работал в своей комнате, Вахрамеем единственный мог без приглашения заходить к нему. Рериху, безусловно, он был близок знанием горной природы и тем, что он являлся живым прототипом образа Пантелея Целителя, которого Николай Константинович написал уже в 1926 г. После, в Гималаях, Рерих не забывал своего алтайского друга и снова возвращался к теме народного целителя. Вариант этой темы находится теперь в Новосибирской картинной галерее.

Из Индии Николай Константинович прислал в Верхний Уймон журнал, где была фотография Вахрамеем с Рерихом на фоне Алтайских гор. Они переписывались. Вахрамеем посылал художнику в Индию целебные травы, растения.

Дом Атамановых был двухэтажным. Наверху две комнаты, коридор, сени, балкон, выходящий на сторону двора. Теперь этот дом одноэтажный, совхоз его перестроил. Перебрали балки, нижний этаж снесли, но верхний этаж и кровля остались прежними.

Рерихи заняли второй этаж дома. В избе, стоящей в ограде, поселился Рамзана. Но этот ладаец, привыкший жить на больших высотах, плохо переносил климат низин и поэтому болел. «Целыми днями дома сидел. Накинет накидку и качается», — вспоминают о нем в селе. Он вскоре ушел с Алтая в Ладак. Это отмечает в дневнике Николай Константинович:

«Рамзана ушел в Ладак. Не вынес северных низин. «Или уйду, или умру». Конечно, вся жизнь ладакцев проходит на высотах не ниже двенадцати тысяч футов. Жаль Рамзану».

Дочь Вахрамеем Семеновича Агафья Зубаккина вспоминает о Рерихах как о самых близких людях: «Шибко хорошие люди были. Молодоницы, разговорчивые. Сама была вся беленькая, светлая. И волосы светлые и глаза. Шибко красивая была. Длинный сарафан у нее был, долгая одежда. Широкое, очень длинное носила. Вся одежда злешняя. Окошки открывать любила. Возле окна обычно сидела, писала. Все на свете рассказывала. По младшему сыну скучала, плакала. Три года его не видела. Учился все где-то. Сам тоже весь светлый был. С седой бородой, в сером костюме, хоть и жарко на дворе, в тубетейке. А по верх тубетейки на улице еще шляпу одевал. А глаза светлые, пристальные. Когда посмотрит, как будто насквозь видит. Много книг у него было. Сам все книги показывал, всяко разрисованные».

А Юра простой, простой был. Двадцать три года ему было. Молод был, а бороду не брил. Здесь рубашку купил коленкоровую зеленую. Навыпуск ее носил. Все в ней бегал. Мне та рубашка совсем не нравилась, как у всех мужиков. А она ему почему-то мила была. До дому хотел донести. Осторожно велел стирать, чтобы не полиняла, не порвалась».

...В шесть часов утра вставали. Шибко много работали. А пройдут вечером, переоденутся и опять за работу. Три минуты им дороги. Керосин не жгли. При свечах вечером жили.

Старик больше у себя сидел, а Юра бегал или

в горы выезжал. А иногда вместе ездили. И туда ездили, и туда. Во все стороны ездили. Мой бабushка их водил. И сама в горы ездила. Ей коня смиренного нашли. Здесь ездить училась. Говорила: «Теперь уже смелее езжу».

С Олей, дочкой моего брата Прокопия, сама играть любила. На колени ее брала. Просила отдать ей ее в дети...»

Оля, которую хотела удочерить Елена Ивановна, теперь Ольга Прокопьевна Атаманова, живет в Бийске. Несмотря на то, что в бытность Рерихов в их доме ей было всего около четырех лет, она их хорошо помнит. Помнит, как художник носил ее на руках, как катал на лошади по двору, как ходил с ней и ее сестрой Таней на речку, как Елена Ивановна по утрам ей косички заплетала и как шила для нее красивое платье.

Рерих побывал на многих окружающих горах. Художник с проводником, Вахрамеем Семеновичем, на лошадях поднимался на белки Студеный, Погорелка, Большой Батун, Малый Батун. Взбирались на Теректинский хребет, чтобы оттуда писать вершину Белухи. Ездили к подножию Белухи вдоль реки Кучерлы. Был Рерих и на южных склонах Катунского хребта, откуда вид на Белуху открывается наиболее полно. Об этой поездке свидетельствует известная его картина «Белуха», которая теперь находится в Париже, в Лувре. На этой картине, написанной в звучных, светлых тональных отношениях, отчетливо видны обе вершины Белухи, на переднем плане рисуется ледник Гейслера, а за ним виднеется заснеженный Раздельный гребень, пересекающий ледники Катунский и Берельский.

О Белухе есть несколько записей в дневнике: «Семнадцатого августа увидели Белуху. Было как чисто и звонко. Прямо Звенигород».

«Со Студеного хребта лучше всего видно саму Белуху, о которой шепчут даже пустыни».

В Верхнем Уймоне Рерих писал этюд девушки в ярком цветастом сарафане. Позировала ему черноглазая красавица Варвара Бочкарева. Художник говорил: «Будет эта девушка в музее».

В горы Рерихи ездили также за целебными травами, маральим корнем. Делались поездки по Усть-Коксинской долине.

Об этой долине «между Уймоном и Катадою», очень ему понравившейся, Николай Константинович впоследствии не раз писал своим друзьям. И своим проводникам он говорил, что это один из красивейших уголков страны, обладающий живописной природой, богатыми недрами, прочной почвой, на которой можно строить высокие дома. Здесь, по его мнению, может быть построен прекрасный город и подходящим названием его было бы — Звенигород.

Из Катанды Рерихи проезжали по тракту дальше до Тунгура и Ак-Кема. Художник записал: «В области Ак-Кема следы радиоактивности. Вода в Ак-Кеме молочно-белая. Чистое Беловодье. Через Ак-Кем проходит пятидесятилетняя широта».

Старожилы Верхнего Уймона вспоминают, что Николай Константинович просил показать ему памятники героев гражданской войны. Ему показали место расстрела 11 партизан, на Большом белке. Никакого памятника там не оказалось. Художник взял гладкую каменную плиту, сделал на ней надпись и положил на могилу.

Был художник у деревянного памятника, стоявшего тогда на месте героической гибели Петра Сухова.

«Все носит следы гражданской войны, — пишет в Тунгуре Николай Константинович. — Здесь, на Чуйском тракте, засадою был уничтожен красный полк. На вершине лежат красные комиссары. Много могил по путям, и около них растет новая, густая трава».

На Алтае Рерихи собирали коллекцию образцов народного костюма. Любовь Николая Рериха к народному искусству общеизвестна. В связи с этим Агафья Зубакина вспоминает:

«Узорчатые пояса, опояски здесь покупали. Шибко им нравились. Меня упросили одеться в бухтарминскую одежду. Сарафан цветастый и подевичьи шаль. Юра меня со всех сторон снимал. Вместе с бабushкой отовсюду фотографировали. Юра говорил: «Будешь у нас по стенке богатей». Здесь все дома снимали, горы, лес. Кругом все фотографировали».

Юрием Николаевичем был заснят кинофильм об Алтайских горах, о жизни в селе, о медицинских опытах Вахрамея Атаманова.

Художник не мог не отметить в Верхнем Уймоне прекрасных достижений народного умельца Агафьи Семеновны Атамановой, прозванной «бабushкой Агашевой». Еще теперь в селах Усть-Коксинского района сохранились дома, где ею в русском народном стиле расписаны стены, окна, двери, домашняя посуда, мебель. Некоторые ее росписи репродуцированы теперь в альбоме «Очерки по народному искусству Алтая». В музее изобразительных и прикладных искусств в Барнауле среди экспонатов русского крестьянского искусства 19-го — начала 20-го века достойное место занимают стенная роспись и вышивки этой сельской художницы.

«А вот и Вахрамеева сестра, — пишет об Агафье Семеновне Рерих. — И лекарь, и травчатый живописец, и письменная искусница. Тоже знает травы и цветки. Распишет охрой, баканом и суриком любые наличники. На дверях и на скрынях наведет всякие травные узоры. Посадит птичек цветастых и желтого грозного леву-хранителя. И не обойдется без нее ни одно важное письмо на деревне. «А кому пишешь-то, сыну? Дай-ко скажу, как писать». И течет длинное жалостливое и сердечное стихотворное послание. Такая искусница!»

В Верхнем Уймоне произошла встреча Рериха с другой интересной художницей — Натальей Николаевной Нагорской. По заданию Новосибирского краеведческого музея она собирала и изучала народное искусство Усть-Коксинского района, запечатлевая в акварелях роспись наличников и узорчатую деревянную резьбу. Ее рисунки хранятся в Новосибирской картинной галерее.

О своей встрече с Рерихом Наталья Николаевна рассказывает так: «На Алтае я жила в доме Железнова в Нижнем Уймоне. Узнала, что в Верхнем Уймоне стоит экспедиция, прибывшая из Индии. Мне было интересно посмотреть на них. Одолжив коня, я поехала. Я была платком повязана, в сарафане, на плече сумка, как все сельчанки.

Во дворе, возле столба, привязала лошадь. Поднимаюсь на второй этаж. В сенях деревянный резной диван. Стучусь в дверь.

«Кто там?» — слышится голос.

«Здесь какие-то иностранцы?»

Выходит человек с седой бородой в верблюжьем свитере.

«Не иностранцы, а путешественники. Я Рерих». Я сложила руки на груди, повернула голову:

«Рерих! Боже мой! Я люблю ваши картины — «Строят город», «Заморские гости», «За морями земли великие». Они научили меня любить Родину, народ, историю...»

«Вы вернулись на Родину?»

«Я никогда не покидал Родины, я путешествую».

Говорили недолго. Рерих был болен в этот день. Вышли две женщины. Я показала им рисунки со своего альбома».

Кроме художественных целей, на Алтае экспедиция Рериха ставила и научно-исследовательские. Одной из них был сбор геологического материала. Это входило в обязанности Мориса Лихтмана. Об этом хорошо помнит Серапион Семенович Атаманов: «При мне Морис Михайлович камни опробовал, разные, всякие. Женщины в селе шли им мешочки для породы».

Рассказывает и Агафья Зубакина: «Крестьяне им камни приносили. Они возьмут, осмотрят, определят — свинец, каменный уголь, золото, железо, запишут, с которого места взято, заплатят человеку, который принес их, а камни в окно выкидывают. Потом три дня по этим местам ездили, проверяли, камни собирали».

Для Рериха как археолога, известного своими раскопками древних русских городов в Ленинградской, Псковской, Новгородской областях, вероятно большой интерес представляли многочисленные курганы, разбросанные по всей территории Алтая. Но так как пребывание его в Верхнем Уймоне было непродолжительным, то он ограничился сбором легенд, сложных народом и связанных с древними племенами, жившими на Алтае и оставившими эти так называемые «скифские» или «чудские» могилы. Эти легенды нашли место в его книгах, на их основе он создал ряд картин.

Художник записал известную легенду о самокопавшейся чуди: «Старик ведет нас на каменный холм и, показывая каменные круги древних погребений, торжественно говорит: «Вот здесь ушла Чудь под землю. Когда белый царь пришел Алтай завоевывать и как зацела белая береза в нашем краю, так и не захотела Чудь остаться под белым царем. Ушла Чудь под землю и завалила проходы камнями. Сами можете видеть их бывшие ходы».

Эта легенда послужила сюжетом для картины «Подземный народ», написанной после посещения Алтая в 1927 году. Но сказанию о «самопогребенном» племени Рерих придает смысл переселения народов. На его полотно горная пещера. Через ее обледенелые сталактитовые своды просматривается высокогорный заснеженный пейзаж. В глубокие подземелья уходят люди в древних островерхих шапках, с котомками на плечах.

Вот еще записи легенды: «В пределах Алтая можно также слышать очень значительные легенды, связанные с какими-то неясными воспоминаниями о давно прошедших здесь племенах. Среди этих непонятных племен упоминается одно под именем Курумчинские кузнецы. Само название показывает, что это племя было искусно в обработке металла, но откуда и куда направлялось оно? Имеет ли в виду народная память авторов металлургических поделок, которыми известны древности Минусинска и Урала? Когда вы слышите об этих кузнецах, вы невольно вспоминаете о ска-

зочных Нибелунгах, занесенных далеко на запад.

Много лет спустя, в 1944 году, во время Великой Отечественной войны Рерих пишет картину «Нибелунги». Небольшой холст изображает кузнецов, кующих меч в каменном гроте при свете костра. Первобытные условия обстановки и одежда указывают на отдаленную историческую эпоху. Фон полотна дает признаки горной местности. Черты лица характерны для жителей Алтая. Произведение, видимо, создано по алтайским впечатлениям.

В основу картины «Ойрот. Алтай» тоже легла легенда, услышанная художником на Алтае. Здесь видим горный пейзаж, характерный для окрестностей Усть-Кана. Он написан в мягкой фиолетовой гамме. Светом золотистой луны освещены заснеженные вершины гор и фигура всадника на белом коне — Ойрота. В центре картины изображена девушка, закрывшая лицо руками при виде необычного всадника.

На Алтае и по сей час можно услышать многое, запечатленное в дневнике художника. В нем нашли место и лингвистические наблюдения. Отмечено употребление слов «мизгир», «сивер». Словом «сивер» до сих пор называют на Алтае северные лесистые склоны гор. А паука здесь называют «мизгир».

В воспоминаниях о Рерихе часто отмечается его забота о просвещении. Он интересовался, сколько в районе школ, сколько детей учится. К знанию, к учебе он побуждал многих.

Из верхнего Уймона Рерихи уехали 19 августа. Вахрамеем Атаманов сопровождал их до Бийска.

Обратный путь был преодолен за четыре дня. Он шел через села Усть-Коксу, Усть-Кан, Черный Ануй, Туманово, Матвеевку, Карпово, Солонку.

24 августа Рерихи прибыли в Бийск, а 26 отправились на пароходе «Жорес» в Новосибирск. В столицу Сибири путешественники приехали 27 августа. Здесь семья Рерихов пробыла неделю. В Новосибирск для встречи с художником приехал из Москвы его брат, архитектор, Борис Константинович. 3 сентября Рерихи отправились поездом в Бурятскую АССР, а оттуда дальше, по намеченному маршруту, в Монголию.

Отмечая пребывание художника в Новосибирске, журнал «Сибирские огни» во втором номере за 1927 год поместил статью писателя Г. Гребенщикова «Николай Рерих» и репродукции трех картин.

В редакционном примечании к статье пислось:

«Известный русский художник Николай Рерих летом 1926 года, побывав на Алтае, проехал через Новосибирск и Верхнеудинск в Улан-Батор-Хото, где в настоящее время знакомится с искусством этой своеобразной страны».

Рерих мечтал побывать на Алтае еще раз. Но эта мечта не осуществилась.

Выполняя завещание художника, его сын, Юрий Николаевич, передал городу Новосибирску большую коллекцию картин отца. Шестьдесят произведений Николая Константиновича являются гордостью Новосибирской картинной галереи.

А его алтайские этюды и картины разошлись по разным музеям мира, везде утверждая слова художника, которые он любил повторять: «Сибирь — страна великого будущего, а Алтай — живое воплощение ее красоты».